

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог 5

Часть первая НАМ С НИМИ НЕ ПО ПУТИ!

Глава первая. Цель 7

Глава вторая. Ракетная 16

Глава третья. Чем больше пушка, тем дальше она
стреляет 29

Глава четвертая. Здоровье прежде всего 39

Часть вторая АХ, ВОЙНА, ЧТО ТЫ СДЕЛАЛА, ПОДЛЯЯ!

Глава первая. Шведский блин комом 50

Глава вторая. Как уйти в монастырь 60

Глава третья. В Стокгольме все спокойно 70

Глава четвертая. Ледяной поход 80

Глава пятая. Тайное и явное 93

Часть третья МЕЖДУ ВОЙНОЙ И ВОЙНОЙ

Глава первая. Полигон 105

Глава вторая. На суше и на море 116

Глава третья. Что у нас где 130

Глава четвертая. Морская программа 141

Часть четвертая ВОСТОК – ДЕЛО СЛОЖНОЕ

Глава первая. Персидские персики 153

Глава вторая. Есть ли у меня план, или Что вы курите,
мистер Фикс? 163

<i>Глава третья.</i> Обстрел Александрии	177
<i>Глава четвертая.</i> Буря в пустыне	190
<i>Глава пятая.</i> Империя наносит ответный удар	202
<i>Глава шестая.</i> Тегеранская резня	212
<i>Глава седьмая.</i> Встреча у Решта	222

Часть пятая
ЧЕСТНО О ЧАСТНОМ

<i>Глава первая.</i> ЧОА «Восток»	232
<i>Глава вторая.</i> Работа над ошибками	242
<i>Глава третья.</i> Первый скандал в благородном семействе!	255
<i>Глава четвертая.</i> Очень Нижний Новгород	266
<i>Глава пятая.</i> Румынская рапсодия	279

Часть шестая
НА ВЗЛЕТЕ

<i>Глава первая.</i> Смольный машкерад	289
<i>Глава вторая.</i> О чувствах к прекрасному	299
<i>Глава третья.</i> Поход на «Дмитрии Донском»	311
<i>Глава четвертая.</i> Взрыв	324
<i>Глава пятая.</i> Спас-на-Крови	336
<i>Эпилог</i>	348

Пролог

Его величество вышел из кабинета и твердой походкой направился к лестнице, ведущей на первый этаж. Гвардейцы взяли на караул и застыли, похожие на блестящие безмолвные статуи. Краем глаза оценил их привычную выправку. Показалось? Слишком уж картинно тянутся, неужели показывают свое презрение? Столько лет не смотрел на этих напыщенных болванов, чего это вдруг сегодня сподобился? Неужели мне все еще не все равно? Нет, Насерать! На их мнение — точно. Ради своей семьи я должен уйти. Не ради спасения собственной жизни, чего уж там... После отречения за мою шкуру и гроша ломаного не дадут. Тем более что отправляюсь под домашний арест. Даже выехать к родственничкам не дают. Да и родственники у меня!.. Говно, а не родственники! Ну, как говорится, сам виноват, лично отбирал. Спорный момент... Еще пять шагов — и лестница. Какой символический момент — спускаюсь, и через двадцать шесть ступеней превращаюсь в обычного гражданина! Х-ха... Так все просрать! И все только потому, что не хотел большой крови. А как теперь ее, кровушку, остановить? Спускаюсь нарочито неспешно, нечего им тут торжествовать, и так уже от демонстрантов с их криками «Долой

монархию!» уши закладывает. Долой, говорите? Так, посмотрим, как потом будете жалеть о короне, которую отвергли... Плевать! Каждый делает то, что в его силах. Я же остановить это бессилён. Бросить гвардию в бой, картечью расстрелять это мясо, заполнившее площади столицы? Предлагали. Только я после этого править не смогу. Пора! Последняя ступенька! А вот и карета, уже и герб с нее ободрали, сволочи! Ну что, ездай! В последний путь... Что-то я сегодня в траурном настроении. К чему бы это?

Часть первая НАМ С НИМИ НЕ ПО ПУТИ!

Штука не в том, чтобы тебя при входе приветствовала толпа — приятно войти всякий сумеет, — но чтобы о твоём уходе жалели. Счастье редко сопутствует уходящим: оно радушно встречает и равнодушно провожает.

Бальтасар Грасиан

Глава первая ЦЕЛЬ

Первым стреляет тот, кто стреляет первым, остальное придумывается в оправдание, если застрелили не того или не тех.

Анатолий Азольский

*Санкт-Петербург. Гостиница «Знаменская»
9 сентября 1882 года*

**Мориц Фридрих Йозеф Ойген Ауффенберг
(Полковников)**

Когда человек готов выстрелить, он стреляет, я помню эту истину, которую в меня вбивал Саныч —

инструктор по огневой подготовке еще в школе КГБ, самого страшного сочетания букв в мире. Потом я сам повторял эту истину своим подчиненным, вдальблывая, как дятел вбивает в дерево клюв. Готов стрелять — стреляй! У меня все готово: чердак, лежка, пути отхода, приоткрытое окошко. Я очень четко представляю сектор обстрела, поэтому полностью открывать окно нет необходимости. Оно чуть-чуть приоткрыто. И еще одно стекло аккуратно выдавлено. На пути пули ничего не должно стоять. Вся проблема во мне. Я стрелять не готов. Я постоянно говорю себе о том, что должен, должен, но почему-то во мне бродят сомнения: правильно ли я поступаю. Не скажу, что этот желчный и довольно противный старик вызывал во мне чувство симпатии. Академик Михаил Николаевич Коняев был тем еще типком, но при этом ему нельзя отказать в уме и сообразительности. Сейчас он в теле Михаила Николаевича Романова решает целый ряд нетривиальных задач, стараясь протолкнуть Россию по пути прогресса. И я должен его устранить, потому что его вмешательство в Историю слишком сильно ломает ход времен. Что-то наши ученые намудрили с этой парадигмой: человек и история. Что-то великому Хроносу не нравится в личности этого историка, настолько не нравится, что мне пришлось попадать в это время и теперь устранять причину... Вот только прав ли мой знакомый гениальный ученый, ставший куратором проекта «Вектор» Марк Соломонович Гольдштейн? Неужели вся причина в самом попаданце Коняеве? Может быть, и не в нем, но меня уверяли, что прекращение воздействия на эту ветвь времени — физическое устранение причины изменений даст стабилизацию темпорального континуума, вернет все на круги

своя. А если Марк Соломонович не прав? Он что, не ошибается никогда? А если не прав я, и я просто не сумел вычислить Академика, а император Михаил — всего лишь ширма. За которой прячется умелый кукловод? Настолько умелый, что я не смог его обнаружить? Я — это Николай Степанович Полковников. Мне пятьдесят шесть лет. С восемнадцати лет в армии, потом школа КГБ, потом спецкурсы, потом выполнение поручений самого разного толка за пределами нашей Родины и не только. Но там столько стоит отметок о секретности, что о моей работе и внукам-правнукам рассказать не буду иметь права и возможности. Когда началась работа над проектом «Вектор», я стал руководить службой безопасности на секретной базе в Подмоскowie. Обеспечение секретности — это наше все. Тем более когда речь идет о столь неординарных проектах. Подобные исследования идут в Англии, Германии и Японии. Есть инициативная группа в Италии, самое интересное, что в США это направление исследований не финансируется, находится под запретом. А то вдруг кто-то чего-то там натворит и Pax America рухнет по неосторожности? В общем, я стал вскоре отвечать не только за безопасность, но и за отбор кадров, потом мою должность определили как Выпускающий. Серьезно расширив при этом рамки полномочий. Это случилось после первого удачного запуска в прошлое, когда в теле комбрига Виноградова оказался молодой парень Андрей Толоконников¹. Можно сказать — наша первая и пока что единственная стопроцентная удача. А после первого успеха мы решили, что держим

¹ Смотри серию «Проект „Вектор“». ПВ-1 «На острие истории».

удачу за косу. Оказалось, что только за хвост, и еще этим хвостом Госпожа Удача нас и по мордасам хлещет! До Толоконникова был целый ряд неудачных запусков, после него тоже три провала. Нет, психоматрицы людей мы уверенно отправляли в выбранное время! Но вот удержаться, захватить сознание, подчинить себе или слиться с телом, в которое эта матрица попадает, удавалось очень-очень редко. Чаще всего человек в прошлом сходил с ума или же умирал. Думаете, наука — это поле, усыпанное розами? За нашим проектом выросло маленькое кладбище в лесу. И каждый из тех, кто там лежит — на моей совести! Катастрофа, которая случилась с Академиком, — это тоже и мое личное фиаско. Я не знаю, как не получилось проконтролировать все, но Коняев уходил в прошлое под реанимацию и еще и с музыкой — энергетический заряд невиданной мощности пробил все защиты нашей операционной базы, аппаратура сработала в нештатном режиме и забросила Михаила Николаевича в Михаила Николаевича, только Романова, черт бы его побрал! А в МОЕЙ реальности начали появляться всполохи неизвестной энергии, которые грозили катастрофой. И теперь я здесь, чтобы этот катаклизм, который наверняка произойдет, предотвратить.

Картина Репина «Приступим». Что, нет такой картины у Репина? Значит, художник был неправ, и мы ему такую картину обязательно закажем. Ладно. Внимательно осматриваю площадь. Место выбрано правильно. Если император пойдет в церковь — тут все как на ладони. Если же к вокзалу — выстрел будет на предельной дальности — чтобы попасть наверняка. Тут все будут решать считанные секунды. И расторопность охраны.

Вот подъезжают кареты. Охрана суетится, видимо, заход в церковь не планировался. На площади и у церкви толпа зевак, которую тоже надо контролировать. Значит, верно рассчитано — не успеют они и гостинице уделить должное внимание. Надеюсь, что приоткрытое окно их не насторожит. В этом времени снайперская охота из винтовки на первых лиц пока еще неизвестный прием. Нищие, юродивый на паперти, вот, выходят: Михаил и его брат Константин, ехали в одной карете. А их жены? Вижу! Интересно, свою любовницу Константин в Болгарию тоже потащит? Мелькнула мысль и исчезла за гранью сознания. Сейчас только о деле. Есть цель. Есть инструмент. Есть готовность выстрелить. А вдруг попаданец — это Константин? Выставил вперед младшего брата, сам в опалу — в Америку, вернулся с ворохом ценных контрактов, теперь опять на периферию — в Болгарию? Нет... Не сходится, у него никаких изменений в характере. Все тот же «брат Костя». А вот личность Михаила... это да... Константин закрывает брата. Нет, его не хочу. Не уверен, что одним выстрелом обоих. Так. А что это за движение? Один. Два. Три... нет, еще четвертый и пятый... они целенаправленно двигаются к царственным братьям. Что за ерунда? Смотрю в оптический прицел, точно, есть некто... неужели — очередное покушение на Михаила? Но саквояжей нет, что, нападение с револьверами? Может быть, мне и стрелять не надо будет? Все сделают за меня? Смотрю, только вот это движение мне совершенно не нравится. Так... Стрельба начнется. И что? Блин! Охрана их должна взять, вот, телохранители, вот, вижу, как несколько... один, два, три агента в штатском тоже обращают внимание, начинают движение на перехват.

А что охрана там курит? Надо же первых лиц обратно в карету, которая наверняка блиндированная, а карета отъезжает, сейчас на место придут дамы! Вот, и не говорите мне, что все зло не от женщин. Дуры, сейчас вас будут убивать вместе с мужьями. Так! А все-таки... Я быстро оцениваю обстановку и понимаю, что мне режет глаз, — это впечатление, что эти пятеро всего лишь расчищают сектор для выстрела, сейчас начнут — поднимется паника, несколько секунд, когда охрана и император застынут в замешательстве, надо же принять какое-то решение, оценить обстановку. И этого хватит, чтобы выстрелить ...Откуда? Смотрю внимательнее. Вот оно! Карета. Обычная черная карета. Только без стекол. Окно завешено шторкой. Отодвинуть занавесочку — стреляй, не хочу. Даже если карабин, то стрелок должен быть в углу кареты. И сигналом начала атаки — открытая шторка! Вот она отодвигается. Я краем глаза ловлю движение, которым достают оружие, ждать времени нет. Ловлю угол кареты в прицел. Выстрел. Быстрая перезарядка. Еще один выстрел, успеваю выстрелить еще раз. Со звоном разлетается окно... кто-то заметил мою позицию. Пора сваливать!

* * *

*Полтава. Бобрин.
Поместье Масюковых
25 сентября 1882 года*

Степан Максимилианович Мостицкий
(Полковников)

В поместье Масюковых, богатых полтавских помещиков, я приехал по делу. Точнее, надо было подтвер-

дить свою новую личину. Я дальний родственник Мо-стицких из Межаново, мой отец — активный участник восстания 1863 года, который эмигрировал в САСШ, мне же показалось интересным вести бизнес в России. Планирую приобрести имение на Подолье, недалеко от Винницы. Хочу заняться разведением свекловицы и поставить там сахарный заводик. На сладкое потянуло, понимаешь! Вот и решил посмотреть, как все устроено у человека, который один из пионеров сего дела на Юге России. Было у меня и рекомендательное письмо от одного известного банкира, который подтверждал и мою платежеспособность, и мои деловые намерения.

Семья капитана Масюкова оказалась весьма хлебосольной и гостеприимной. Уже неделю я изучаю сахарное производство, каждый день пропадая по шесть-семь часов на заводе. Сегодня же я еще и посетил один из лучших конезаводов на Полтавщине, конечно же он тоже принадлежал семье мои приветливых хозяев. Особенно тепло меня приветствовала и обхаживала Клавдия Мироновна, супруга Даниила Андреевича, который был в поместье всего один день, а потом отбыл на службу по необходимости. Вишневые наливки — это что-то невообразимое. А еда! В моем времени я бы стал жирдяем, который не влез бы в маршрутку, а тут ем все такое мучное, жирное... и хоть бы хны! Воздух тут другой? Или просто дебильника нет под рукой? Приходится все пешочком или на лошади. Только не говорите, что ехать на авто в одну лошадиную силу — отдых. Та еще работа! Нет, мне и тело досталось совсем неплохое. Привычное к физическим нагрузкам, пусть и довольно однобоким, но комплексы я знал, так что удалось подправить дела. А тут еще бороду и усы

сбрил, очки с толстыми стеклами, вот только стекла простые. Но они здорово внешность меняют. Учитывая, что фотографических снимков на паспортах нет, их заменяет описание внешности, подробное, но не настолько уж...

Именно тут, в Полтаве, меня догнали газеты с известиями о происшествии в Северной Пальмире. Конечно, из газет мало что можно было узнать, учитывая, что печаталось только дозволенное. Но и этого хватило, чтобы понять и сопоставить разрозненные данные. Итак, на государя и его брата было совершено покушение группой революционеров. К счастью, никто из Романовых не пострадал, а вот среди зевак жертвы были. Было бы больше, если бы террористы применили динамит или нитроглицерин. Пронесло. Погибло двое полицейских чинов, шестеро прохожих, множество раненых. Несомненная цель — император. Возможно, покушение было двойным. А вот о стрелявших личностях и снайпере в карете — ни слова. Почему? Что это было? Что за группа? И как они смогли так близко приблизиться к охраняемым особам?

Отобрал для выезда тройку скакунов. И одного для верховой езды. Оставил аванс. Пора начинать операцию по легализации в новой ипостаси. Прости, герр Афенберг, твоя личина свое отыграла. Теперь пришло время появиться помещику-прогрессору. Что меня заставило стрелять не в Михаила, а в его убийцу? А знаете, есть такое слово «интуиция». Я как-то сразу понял, что происходящее — неправильно. Вот поэтому и убрал опасность для Михаила. Насколько я понимаю, у меня есть еще два-три года для новой попытки. Если она понадобится. А если предположить, что именно покушения на Михаила Второго стали факто-

ром нестабильности? Если для течения времени работа Академика как раз стабилизирующий момент? Черт! Нет у меня в руках компьютера с нужной программой, чтобы все рассчитать. Так что приходится действовать по наитию. А тут... если интуиция говорит тебе: «Не стреляй» — я не стреляю. А вот только сменил цель, как та же интуиция заорала «Огонь!», я сразу же и выстрелил! Теперь посмотрим, прав я или неправ. Проверка простая... Думаю, месяца через три-четыре все станет на свои места. Критерий истины в данном случае простой: если прекратятся спонтанные выбросы энергии в виде странных фиолетовых сполохов и таких же шарообразных молний, значит, Госпожа Интуиция меня не подвела. А пока что надо создавать себе легенду-прикрытие и набирать команду исполнителей. Просто потому, что охраняют императора и его приближенных почти по канонам двадцать первого века (конечно, если сделать скидку на современные технические возможности). Следовательно, понадобится командная работа. А чтобы сколотить нужную команду, опять-таки нужны деньги и хорошо проработанная легенда. Идейных противников самодержавия серьезно так к ногтю прижали. Хорошо, что есть собственные деньги и кое-что осталось от денег, выделенных австрияками. Единственное, что я так и не понял, так почему я должен делать то, что выгодно врагам России? Чтобы спасти Отечество? А спасаю ли я его? Не мог ли Гольдштейн даже не ошибиться, а подсунуть мне неверные данные? А если прав не Марк Соломонович, а Илюша Клавочкин, который предположил, что Катастрофа была вызвана воздействием извне? Даже из этой реальности? Дьявольщина! Получается, что я накручиваю ситуацию,

доводя ее до абсурда. Значит, слишком мало данных. И ведь знаю, что не надо было мне спешить, но вот, только уткнулся в первую проверку на личность Михаила и тут же принял информацию к действию. Перепроверил. Трижды. Из разных источников. А надо было пять раз или десять! Как говорится: «Буратино, ты сам себе враг». И точнее не скажешь. А значит, пора с вишневым ликером заканчивать. И покинуть это гостеприимное место. В горле оно у меня сидит, доложу я вам.

Глава вторая РАКЕТНАЯ

Ваши военные приготовления не только не потребуют от вас жертв. Наоборот, они явятся тем стимулом к увеличению индивидуального потребления и росту жизненного уровня, который не смогли бы дать вам ни победа, ни поражение нового курса.

Владимир Ильич Ленин

*Москва. Кубинка. Полигон
11 октября 1882 года*

ЕИВ Михаил Николаевич

Нечего плодить сущностей! Полигон под Москвой в Кубинке был делом решенным. За полгода его организовали и оснастили всем, что было необходимо. Вот только дороги туда так и нет — направление, размытое дождями. Хотя решение о строительстве дороги военным ведомством уже есть. И пусть попро-

буют мне! Сам их в асфальт закатаю! Рядом со мной едут Вячеслав Константинович фон Плеве — ставший министром внутренних дел, при этом значительную часть работы этого гиперобразования я с него снял. Главная зона его ответственности — общественное спокойствие, борьба с преступностью и соблюдение законности. Одна из главных негласных задач — противодействие террору. Впрочем, это главная задача и жандармов, шеф которых Александр Александрович Фрезе также находится со мной в карете. Как только мы отъехали от Кремля, я начал разговор:

— Александр Александрович! Хочу сказать вам, что указ о создании Комиссии государственной безопасности уже готов. Так что могу поздравить вас Первым Комиссаром КГБ.

Фрезе благодарно кивнул головой и рывкнул:

— Готов служить императору и Отечеству!

Надо сказать, что Фрезе выдвинул Тимашев, которому нравилась работоспособность и педантичность боевого генерал-майора, героя боевых действий в Болгарии. Тимашев прекрасно знал своего сослуживца, который фактически выполнял при нем работу начальника штаба Отдельного жандармского корпуса, приобретя за эти два года необходимые навыки. А после недавней вынужденной отставки Тимашева по состоянию здоровья Фрезе возглавил Третье отделение, как раз накануне его преобразования в отдельную комиссию с очень серьезными полномочиями.

— Что скажете, господа хорошие, по поводу происшествия месячной давности? — за этим я их с собой и позвал. Не на пушки же смотреть, в самом-то деле!

— Государь! Расследование проводилось совместными силами полицейского и жандармского управле-